

УДК [9:355.2](470–89)«1812»

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И РЕАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПОЛЧЕНИЙ 1812 ГОДА В РОССИИ

С.В. Шведов

Музей истории Москвы

E-mail: history1812@yandex.ru

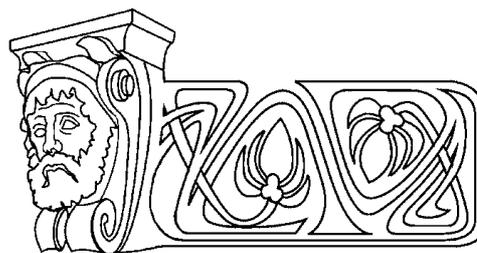
Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. имело две задачи: во-первых, руководить местным населением в народной войне, удерживать людей в повиновении властям. Во-вторых, нести боевую службу наравне с регулярными воинскими частями. Правящая верхушка не была заинтересована делать ставку на превращение ополчения в боеспособное войско. Проанализированы секретные циркуляры Министерства внутренних дел 1806 и 1812 гг., а также беседа Александра I с мэром г. Гельсингфорс И. А. Эренстремом накануне сражения при Бородино. Выполнить задачу №2 удалось лишь петербургскому и новгородскому ополчениям. Благодаря политической воле императора Александра они имели все необходимое и дрались наравне с регулярными войсками. Ополчения подмосковных губерний выполняли задачу №1, охраняли порядок на границах своих губерний.

Predestination and Real Application of Militia in Patriotic War of 1812 in Russia

S.V. Shvedov

Russian peoples were able to take two tasks in war of 1812: 1) to wake up hate against the conquerors and to keep citizens in obedience to the authorities; 2) to carry out war service as well as regular army. The supreme power was afraid of armed peasants and was not interested to do militia striking army. Peoples activity permitted Tzar to require of rule class to offer their property and not to criticize the political course. The author is analysing secret circulats of the Home office of Russia. 1806 and 1812 years the talk of Tzar with I. Erenstrem before battle of Borodino and reports of governors and commanders of militia. Militia of districts of Petersburg and Novgorod were able to carry out task № 2. Tzar Aleksandr had forced to equip combatants all necessary arms. That is why they wage war as regular troupes. But militia of districts round Moscow carried out only the task №1.

В современной отечественной историографии вопрос о назначении и реальных возможностях народного ополчения в Отечественной войне 1812 г., важный для мыслящего читателя, остается не вполне проясненным. Ополчение как исторический феномен рассматривалось в самом общем виде вне сложных взаимосвязей с родственными явлениями. Невозможно спорить с утверждением Л. Г. Бескровного, что «главным героем войны является русский народ, поднявшийся на защиту государственной независимости и национальной свободы своей великой Родины»¹. Однако подобное утверждение не дает представления о сущности явления, не учитывает особенности истории, культуры, географии, экономики, национального

характера и военных традиций, в которых формируется и развивается.

Успех народного ополчения, как и народной войны в целом, непосредственно связан с такими внешними факторами, как отход русской армии вглубь исконно русской территории, плотность населения, степень развития товарного хозяйства, особенности национального характера и т.д.

Если воспринимать использование ополчения как средства народной войны, обусловленного стратегическим планом обороны, основанном на уклонении до определенного времени от генерального сражения, то невольно зарождается мысль о заблаговременной подготовке императора Александра к избранию данного курса, который требовал большой смелости и скрытности. Н.А. Троицкий уже показал, что император Александр I «смело, несмотря на открытые угрозы консерваторов, проводил линию на временный союз с Наполеоном в 1807–1810 годах», чтобы под прикрытием «союзного договора» увеличивать свои средства и силы, готовиться «среди глубочайшей тишины» к новой борьбе при более выгодном соотношении сил»². В отношении плана привлечения ополчения можно сказать также, что до момента его реализации, как и плана отхода вглубь страны, они не могли быть сообщены даже узкому кругу лиц. Как правильно подметил С.М. Соловьев, отход вглубь страны является необходимой предпосылкой возникновения народной войны и успеха формирования ополчения, но негативное отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года³. То же написал в своем историко-психологическом очерке историк Г. Чулков: «Ни солдаты, ни полководцы не хотели отступления, обманом их понуждали отступать, почему армия и не теряла мужества. Все-таки работал подсознательный инстинкт, сражаясь уходило все дальше вглубь страны»⁴. П. Г. Рынзюнский в 1947 г. развил эту мысль, указав, что еще в предвоенный период планировалось перенесение центра тяжести обороны государства с регулярной армии на «народные силы»: «...конкретные планы обороны России могли быть при этом построены в двух вариантах. С одной стороны, признавалось возможным пресечь вторжение Наполеона решительными действиями русских армий, главным образом, маневренного порядка, причем эти действия должны были быть быстрыми, так как даже Барклай де

Толли, как мы видели, сомневался в устойчивости «национального духа» кадровой русской армии. С другой стороны, видели выход в более рискованной системе действий: в допущении противника в глубинные области России, *чтобы вызвать там своеобразно понимаемое, возглавляемое дворянством, народно-патриотическое движение*» (выделено нами. – С.Ш.)⁵. К сожалению, данная коллизия двух элементов народной войны по-прежнему нуждается в подробном анализе.

В современной отечественной историографии продолжают сосуществовать противоположные мнения о боеспособности и назначении ополчений в 1812 г. Те, кто не видят в них реальной силы, как правило, занижают численность Московского и Смоленского ополчений в битве при Бородине до 10 тыс. чел.⁶ По существу, это была численность отряда И.И.Маркова, впервые указанная на кроках позиции русской армии около дер. Утицы. Затем эта цифра вошла в труды многих историков как общая численность ополченцев по всей армии. А.И. Михайловский-Данилевский и М.И.Богданович иногда ссылались на ведомости, где указывалось число ополченцев от 15 до 25 тыс. чел.⁷. В то же время большинство современных историков охотно признают тот факт, что боевые качества Петербургского и Новгородского ополчений, проявившиеся в ходе сражений при Полоцке, Чашниках и Старом Борисове, а затем в ежедневных, авангардных стычках во время похода до р. Березина не уступали качествам регулярных войск. Попробуем разрешить возникшее противоречие, разобраться, каково было первоначальное назначение ополчений и их реальные возможности.

Удивительно то, что ответы были даны уже в документах начала русско-французской войны 1806–1807 гг., когда Россия предприняла первую попытку противопоставить всеобщей воинской службе Франции свое всеобщее вооружение в виде земской милиции. В Манифесте от 30 ноября 1806 г. подчеркивалась необходимость принятия мер необыкновенных: «...необходимость в мерах необыкновенных, в усилиях великих и твердых, которые внушены могут быть единственно любовью к Отечеству, духом мужества и истинным ревнованием славы. Таковыми только чувствованиями воспламененный и движимый, народ поставить может повсеместным ополчением непроницаемый оплот противу сил враждебных, сколь бы они велики не были. Нерадение о составе таковых внутренних вооружений, в настоящую войну с Францией, усиленную наглými грабежами и захватами, имело для Австрии пагубнейшие последствия и ускорило завоевание Пруссии, жребий их решился потерей нескольких сражений, после которых неприятель не встречая преграды со стремительностью ворвался в пределы их <...> Храбрость и победы Всероссийской армии в течение столетия наполняют нас несомненным упованием, что ныне ковы врагов сокрушатся. Но

столь великое пространство, на котором армиям сим действовать предлежит, и очевидная опасность принуждают нас прибегнуть к сильнейшим способам для отвращения оной, составив повсеместно временное ополчение или милицию, готовые повсюду и мгновенно на подкрепление армии регулярной и могущие представить неприятелю на каждом шагу непреодолимые силы в верных сынах Отечества, соединенных на оборону драгоценнейших своих выгод»⁸.

В манифесте был сформулирован внутривнутриполитический пропагандистский вариант плана правящей бюрократии в отношении предназначения и использования земского ополчения в желаемом и наилучшем вариантах развития боевых действий против наполеоновской армии, который остался неизменным и в 1812 году. Прежде всего, документ требовал укрепить высокий моральный дух, «разозлить народ» против врагов церкви и трона, разрешал оказывать сопротивление любыми способами.

Однако в документе вовсе не упоминаются помещичьи крестьяне. Очевидно, что в обществе, где большая часть народа находилась в собственности меньшинства, эта идея не могла не вызвать опасения собственников за свое «благополучие». Логично предположить, что консервативно-бюрократическая верхушка не желала проводить весь комплекс подготовительных мероприятий по организации народной войны до тех пор, пока положение государства не станет столь тяжелым, что не будет другой реальной военной силы кроме ополчения. Поэтому по прошествии опасности в дворянском обществе стало раздаваться много насмешек над милицией. Критически высказался о ней Н.М. Карамзин – автор труда «О древней и новой России». Манифест от 6 июля 1812 г. отличался от процитированного выше манифеста лишь по форме, был более эмоциональным, ясным и кратким⁹.

Более четко внутривнутриполитические причины создания ополчения были изложены в секретных циркулярах Министерства внутренних дел губернаторам. К сожалению, хотя они были опубликованы в конце XIX века, но не использовались историками. Главной причиной создания ополчения объявлялось противодействие врагу, использовавшему «все способы обольщения черни».

В секретном циркуляре министра внутренних дел В.П. Кочубея от 17 декабря 1806 г. № 3020 в адрес губернаторов делался упор на противодействие наполеоновской пропаганде: «Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против такого неприятеля, который приобвык, пользуясь своим счастьем, действовать не одною силою оружия, но и всеми способами обольщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старается, прежде всего, ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожать всякое помещичье право,

истреблять дворянство, подрывая коренные основания государств, похищать законное достояние и собственность прежних владельцев, возводить на места людей ему преданных и таким образом, переменяя весь вид правительства, на развалинах прежнего порядка утверждать свое жестокое самовластие. Из сего видно, что война с таковым неприятелем не есть война обыкновенная, где одна держава спорит с другою о праве или пространстве владений. В настоящей войне каждый владелец собственности, каждый помещик должен признавать себя лично и непосредственно участвующим, ибо цель неприятеля есть ниспровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственное в государстве существующее»¹⁰.

Секретная инструкция 1812 г. представляет собой практически копию инструкции 1806 г.¹¹

Существовала еще и третья причина обращения к народу, о которой нельзя было сказать ни дворянам, ни высшему руководству страны и армии – о подавлении с помощью народа фронды внутри правящего класса против нововведений царя. В ропоте и неудовольствии, насмешках над правительством, имевших место в случаях, когда войны велись на отдаленных театрах, таилась серьезная опасность. Противодействие этой опасности ускорило принятие решения – «поднять народ на ноги». Об этом император откровенно рассказал перед встречей в г. Або с наследным шведским принцем Бернадотом мэру города Гельсингфорс (ныне Хельсинки) И.А. Эренстрему. «Когда исход войны не был благоприятен для государства, то поднимались клики против правительства, утверждавшие, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и т.д. Вследствие чрезвычайной отдаленности театра военных действий, людям праздным и пустым болтунам представлялась хорошая пища для измышлений. Надобно было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским по прошествии 100 с лишком лет впервые вблизи у них на родине. Это было единственным средством сделать ее народной и сплотить общество вокруг правительства, для общей защиты, по его собственному убеждению и по его собственной воле»¹². Вовлечение широких масс в народную войну заставляло дворян быть «скромнее», сдерживать свой язык. Многие мемуаристы пишут о замечаниях и оскорблениях в их адрес от простолюдинов.

Из сопоставления документов видно, что идеи циркуляров весьма созвучны с теми, что высказал Александр I И. Эренстрему, своему доверенному лицу на тайных мирных переговорах в конце русско-шведской войны 1808–1809 гг. Совпадения позволяют сделать вывод, что мемуаристу вполне можно доверять.

Несмотря на то, что Александр I опасался негативных последствий, он воспринял идею необходимости народного вооружения, задолго до 1812 г. решился на войну в глубине собс-

твенной территории, где русский народ обречет неприятеля на голодную смерть. Исследования С.В. Мироненко показали, что у Александра I на протяжении всего периода царствования имелись весьма решительные намерения в деле кардинального переустройства общества. Для выдвижения своих проектов переустройства он использовал авторитетных людей и дворянские общества¹³. Легкость, с какой Александр решился на народную войну, возможно, объясняется тем, что она неизбежно приводила к пробуждению общественного самосознания, давала импульс преобразованиям.

Итак, минимальной задачей ополчений было моральное вовлечение народа в войну. Оказание максимальной помощи армии и власти достигалось в бою, на кордонах, стратегических дорогах и других объектах инфраструктуры. Все эти направления деятельности были крайне важны для обеспечения обороны государства и функционирования прифронтового тыла в условиях неизбежного ослабления правопорядка.

Способно ли было ополчение оказать серьезную помощь армии, как это декларировалось в Манифестах? В среде специалистов благополучно сосуществуют две противоположных точки зрения: 1) в чрезвычайных условиях ополчение могло быть реальной боевой силой, несмотря на пути, налагаемые крепостным правом (рекрутская система не могла быть заменена всеобщей воинской повинностью и краткосрочной службой в армии), доказательством этому служили боевые заслуги Петербургского и Новгородского ополчений; 2) ополчение (в частности Смоленское и Московское при Бородине) не было боеспособным на поле боя. Возникает закономерный вопрос: почему новгородские крестьяне смогли за месяц приобрести боеспособность, а остальные ополченцы – нет.

Действительно, при начале своего формирования основная масса ополчений была включена в состав так называемой «второй стены Отечества» с целью обороны Москвы и Петербурга. Такая задача подразумевала участие в формировании частей значительного числа офицеров и старослужащих нижних чинов, а также вооружение исправными ружьями, наличие обозов, некоторой части кавалерии и артиллерии.

Однако Калужская, Псковская, Тверская губернии, примыкавшие к театру военных действий, в которых имелись важные в военном отношении коммуникации, госпитали, крупные запасы провианта, также требовали защиты. Губернаторы стали обращаться к командованию армий с просьбами оставить ополчения на месте.

Аргументация против сбора ополчений для непосредственного участия в боевых действиях тесно связана с аргументацией необходимости сбережения армии и отступления вглубь страны.

Одним из первых предложений – считать обеспечение бесперебойного снабжения в прифронтовой полосе не менее важной задачей, не-

жели непосредственное участие в битвах – стало письмо калужского губернатора Павла Никитича Каверина начальнику штаба 2-й Западной армии Э.Ф. Сен-При от 11 августа 1812 г.: «На отношение Ваше от 9-го сего месяца за № 2105 честь имею донести, что в Калужской губернии устрояемое ополчение внутренней военной силы во исполнение высочайшего Е.И.В. повеления, данного 19 дня минувшего июля господином Главнокомандующим в Москве, должно занять место в окрестностях Вереи и Можайска, уездных городов Московской губернии, которое назначено составить начиная от 10 к 20-му числу сего месяца, и что я представил господину Главнокомандующему в Москве о позволении один полк пеших и половину конного оставить в сей губернии для прикрытия границ и успокоения жителей. Между тем, не получа еще разрешения в четырех пограничных уездах к Смоленской губернии, хотя я и учредил бекеты из поселян на каждые три версты по 20 человек, в том числе несколько конных, поручив оных надежным из дворян чиновникам, предписав им накрепко всех не имеющих видов ловить и представлять начальству, но средства их сколь отяготительны для поселян по большому развлечению их нарядами подвод для проходящих команд, под свод артиллерийских тягостей и к действующей армии провианта и фуража, даже и через Смоленскую и Орловскую губернии, столь и бедственны потому, что отвлекаются от своих полевых работ, а притом и весьма слабы ограждению внутреннего спокойствия, конечно, не от нашествия неприятельских военных сил, против которых поставлена твердая и непоколебимая грудь храбрых русских воинов, но от наглости бродяг, ищущих в грабежах себе пропитания и нарушающих покой безоружных поселян, могущих навлечь беспокойства иногда и неосновательным страхом.

По уважении сих обстоятельств я возобновил мое представление Его сиятельству господину Главнокомандующему в Москве графу Федору Васильевичу Ростопчину, испрашивая повеления калужское ополчение военной силы оставить в пределах сей губернии дабы иметь возможность в точности исполнить приказание господина Главнокомандующего 2-й Западной армии и оградить покой жителей благонадежно. Гражданский губернатор Каверин»¹⁴.

Итак, Каверин считал обеспечение правильного снабжения армии приоритетным по отношению к созданию из ополчений «второй огады» для обороны Москвы. Учитывая, что письмо датировано 11 августа, когда уже решалась судьба Москвы, калужский губернатор сделал очень смелый шаг. Но мы уже знаем, что существовали секретные циркуляры, которые и требовали от губернаторов, в первую очередь, обеспечивать порядок, а затем уже выполнять армейские функции. 28 августа М. И. Кутузов поставил Калужскому ополчению задачу ох-

ранять границы губернии и, особенно, запасы провианта и фуража.

Доказательством того, что М.И. Кутузов избрал именно такой метод использования ополчений, являются распоряжения по использованию подмосковных губерний в период битвы при Бородине. В подмосковных губерниях сбор начался на 1–2 недели позже, чем в Москве, и должен был закончиться соответственно: в Тверской – 15 августа, в Рязанской – 16 августа, во Владимирской и Ярославской 20–25 августа¹⁵. Благодаря патриотическому подъему сбор основной массы ратников прошел почти в те же сроки, что и в Москве. Ф.В. Ростопчин писал М. И. Кутузову 19 августа: «Я уже отправил курьеров к Калужскому и Тульскому ополчениям, чтоб они шли на сборные места (Можайск и Серпухов). То же завтра предпишу я во Владимир и Рязань»¹⁶.

Из письма начальника Ярославского ополчения Я. Н. Дедюлина М. И. Кутузову от 5 сентября видно, что он получил два противоречащие друг другу приказа. Один исходил от Ф. В. Ростопчина, другой – от тверского генерал-губернатора Георга Ольденбургского. Первый приказывал следовать к Москве, второй – оставить часть сил у г. Дмитрова, позже – обратиться за разъяснением лично к М. И. Кутузову¹⁷.

Та же коллизия произошла с Тверским ополчением, которое имело все шансы соединиться с армией до оставления Москвы. По первоначальному плану, ополчение должно было выступить 24 августа и сосредоточиться в г. Клин. Но из-за просьбы тверского генерал-губернатора принца Георга Ольденбургского оставить ополчение для защиты губернии, 24 августа М.И. Кутузов отдал через тверского губернатора приказ ополчению вернуться в Тверь¹⁸. В то же время, 26 августа, губернатор Л.С. Кологривов пожаловался главнокомандующему: «...командующий ополчением генерал-лейтенант Я.И. Тыртов, не дав мне знать, посылал к Вашей Светлости за приказанием остаться ли ему здесь или итти далее, получил в ответ словесное подтверждение (Кутузова. – С.Ш.) действовать отношением моим». Только 3 сентября М. И. Кутузов узнал о том, что «Ф. В. Ростопчин, не зная о данных распоряжениях, и, считая Тверское ополчение находящимся в г. Клину, 29 августа приказал Я. И. Тыртову выступить к Москве»¹⁹. В итоге, ополчение было остановлено в одном переходе от столицы. В дальнейшем ратников отвели к Твери и г. Торжку, где они вновь занялись военным обучением. А в последовании неприятеля принял участие только конный полк ополчения²⁰.

Петербургское и Новгородское ополчения стали ярким исключением среди других благодаря тому, что враг был далеко от губерний, наводить порядок на дорогах не требовалось, а верховная власть, находившаяся рядом, принимала верные принципиальные решения. Обучение ратников в Петербурге происходило лишь в последнюю не-

делю августа. Начальство, благодаря присутствию царя, без проволочек обеспечило выдачу исправного оружия (для сравнения: строевая и боевая подготовка ратников Московского ополчения с помощью солдат Московского гарнизона заняла 7–10 дней и только половина ратников получила ружья, которые требовали ремонта).

При Петербургском ополчении постоянно находились Воронежский пехотный и 1 Морской полки, а также 4 запасных эскадрона и 2 артиллерийские роты, всего – 2164 чел.²¹ Соотношение ратников и старослужащих здесь было 1: 4, т. е. в несколько раз выше, чем в любом другом. 2 сентября был смотр перед выходом в дальний поход²². Ратники, видя постоянный образец несения службы, обеспеченные поддержкой кавалерии и артиллерии, через считанные недели стали представлять реальную военную силу. Затем дружины были распределены по полкам корпуса П.Х. Витгенштейна и в ходе наступления сражались под Полоцком и на Березине, несли одинаковую со старослужащими авангардную службу.

Формирование дружин Новгородского ополчения осуществляли чины 2-го Морского полка. До 8 сентября сбор ратников происходил по уездам, их обучение продолжалось менее 2-х недель. 22 сентября они выступили в поход на усиление корпуса П. Х. Витгенштейна. 2-я бригада участвовала в бою при местечке Смоляны 2 ноября. В бою 15 ноября в ходе контратаки против дивизии Л. Партуно был смертельно ранен командир бригады подполковник Погребов. 4-я и 6-я дружины действовали 16 ноября на р. Березине у села Веселово на левом фланге в стрелках. Вполне закономерен вывод, что и Новгородское ополчение, находясь почти в том же положении, что и другие ополчения, в первых боях доказало способность нести тяготы похода и авангардных боев.

Некоторые историки видят принципиальную разницу между Московским и Петербургским ополчениями в наличии ратников – мещан и ремесленников. Судя по ведомости 6-й ревизии, мещан, состоящих в самом Петербурге, числилось 9 тыс. чел., с другими городами – 12,4 тыс. чел., они дали 779 ратников или одну дружину из 15-ти²³.

В период войны 1812 г., в отличие от большинства бюрократов и дворян-консерваторов, Александр своими распоряжениями по Петербургскому и Новгородскому ополчениям доказал возможность создания всех условий для надлежащего вооружения и быстрого обучения ополчений 2-го округа. В августе корпус Витгенштейна остро нуждался в пополнении, но царь не отдал ему тогда указанные три полка пехоты, стоявшие на защите Петербурга. Они послужили опорой для быстрого обучения ратников. Данный метод быстрого формирования войск был применен в революционной армии Франции в конце XVIII века. Александр I доказал, что не боится вооруженного народа, не боится оставить Петербург без защиты

со стороны Москвы²⁴. Нам представляется, что успех ратников стал возможен благодаря политической воле императора Александра.

Несомненно, что ополчения подмосковных губерний могли также быстро приобрести боеспособность, тогда бы русские получили значительный численный перевес в силах. Правящая верхушка не была заинтересована делать ставку на превращение ополчения в боеспособное войско. Военное командование не приняло своевременно решение о вооружении ополчений ружьями, имевшимися в Московском арсенале. Оставленные на границах своих губерний с оккупированными районами, они служили «санитарным», полицейским кордоном, воспрещавшим всякие контакты населения с противником, поддерживавшим патриотический настрой населения. Московские и смоленские ратники в основном находились при армии и при полках, т. е. не стояли в линии со строевыми чинами. Боевые возможности этих ополчений остались до конца нереализованными. Причин организационного характера было много, но главное – не было политической воли.

Примечания

- ¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 608.
- ² Троицкий Н.А. Наполеон и Александр, М., 1994. С. 132, 135.
- ³ «... Не могли не признать, что она (система отступления – С.Ш.) необходима, **составляя последний вывод из всей борьбы с Наполеоном** <...> Самое сильное возражение было, что войско, которое постоянно отступает, падает духом <...> Система отступления была крайне неудобной в стране союзной (1805–1807 гг.). Столь же сильные неудобства она встречала и в родной стране <...> Но в народе есть сознание, что войско, на которое так много жертвуется, существует для защиты родной страны и, если вместо защиты отдает родную землю врагу, отступает, то народ видит тут уклонение войска от самой существенной своей обязанности, начинает скорбеть и роптать, подозревая дурное, не зная и не понимая высших военных соображений <...> Это отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года до самого выхода Наполеона из Москвы» (Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 262–263).
- ⁴ Чулков Г.И. Императоры. М., 1993. С. 108.
- ⁵ Рындзюнский П.Г. Кутузов и русская армия в 1812 году // Тр. Государственного исторического музея. Вып. XX: Военно-исторический сб. М., 1948. С. 116.
- ⁶ Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1987. С. 155; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...». Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии. М., 2005. С. 228. В числе 120 тыс. человек русских были учтены 10 тыс. ратников (см.: Кутузов М.И. Материалы юбилейной сессии военных академий. М., 1947. С. 90).

- ⁷ Цит. по: Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 188.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. С. 892–893.
- ⁹ «Неприятель положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью на устах несет он вечные для нее цепи и оковы. При всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 15).
- ¹⁰ Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 621.
- ¹¹ «Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против такого неприятеля, который пользуясь своим счастьем действовал не одною силою оружия, но и всеми способами оболщания черни, всегда старался, прежде всего, ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян, против законных их владельцев <...> на развалинах прежнего порядка утверждать свое жестокое самовластие <...> В настоящей войне каждый помещик, каждый владелец должен признать себя лично и непосредственно участвующим. Ваше превосходительство поставите себе в обязанность внушать помещикам сии истины» (Исторический вестник. Сентябрь. 1912. С. 1117).
- ¹² Из исторических записок действительного статского советника И.А. Эрнстрема (1762–1847) // Русская старина. 1893. Июль–октябрь.
- ¹³ «...никто не удостоенный специального доверия его величества по этому поводу, не должен даже вообразить, что Е. В. замышляет» (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 68).
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 103, оп. 3, д. 329, л. 27–28.
- ¹⁵ См.: Народное ополчение... С. 166, 250; Владимирское ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док. и материалов. Владимир, 1963. С. 63.
- ¹⁶ Дубровин Н.Ф. Отечественная война 1812 года в письмах современников. СПб., 1882. С. 90; РГВИА, Ф. 14414, оп. 10, св. 68, д. 6, ч. 4, л. 1.
- ¹⁷ См.: Народное ополчение... С. 250.
- ¹⁸ Черновик: «Вследствие отношения Вашего высочества нащет обеспечения Твери я сделал предписание к полковнику Жемчужникову, чтобы он с состоящими под командой его 8 (?) батальонами войска остался в Твери, а к г-ну губернатору – чтобы отозвал к оным батальонам из внутреннего ополчения столько, сколько потребно будет. Впрочем, большой опасности еще не имеется, а ожидать должно развязки в непродолжительное время» (РГВИА. Ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 107, ч. 10, л. 18).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 14414, оп. 10, св. 68, д. 5, ч. 13, л. 1.
- ²⁰ См.: Народное ополчение... С. 214.
- ²¹ РГИА. Ф. 1409, оп. 3, д. 8697, л. 5.
- ²² Народное ополчение... С. 280.
- ²³ Там же. С. 322.
- ²⁴ Петербургское ополчение выступило в поход за 5 недель до выхода Наполеона из Москвы, что представлялось весьма рискованным делом. Распоряжение императора Александра Павловича резко отличалось от распоряжений М.И. Кутузова по подмосковным ополчениям.

УДК [9:355.48:930.253](470–89) «1812»

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ РУССКОЙ АРМИИ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года

С.А. Малышкин

Российский государственный гуманитарный университет,
кафедра истории и организации архивного дела
E-mail: smalyshkin@mail.ru

В последние годы внимание исследователей Отечественной войны 1812 г. все чаще привлекают вопросы, связанные с судьбой архивов русской армии эпохи Наполеоновских войн. Это связано с тем, что архивные источники достаточно хорошо известны и давно введены в научный оборот. На сегодняшний день можно твердо утверждать, что до наших дней не дошли архивы воинских частей и соединений, начиная от батальонного уровня и кончая корпусными штабами, за исключением ряда гвардейских полков и некоторых запасных батальонов. Большая часть архивов штабов отдельных русских армий: 1-й, 2-й и 3-й Западных, Дунайской, Соединенной и других соединений, в начале XX в. были объединены в личный фонд фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли. Часть документов из вышеперечисленных штабов оказалась в материалах Военно-Ученого архива. Это было связано со сбором военно-исторических документов для научных трудов военных историков. В настоящее время необходимо изучить процесс складывания воинских

архивов эпохи «Двенадцатого года», и на втором этапе, используя современные электронные средства, составить подокументный каталог сохранившихся материалов.

From the History Archives of the Russian Army During of 1812 Year

S.A. Malyshev

In recent years points concerned with destiny of Russian military archives of a Napoleon war poque draw explorers' attention more and more often. This is the matter of the fact that archive sources are known quite well and were put into use in science a long time ago. Now we can confidently say that archives of military units and formations starting with battalions and up to headquarters of corpses are lost, except for the archives of the number of Guards' regiments and of some of the reserve

